

На литературный конкурс

Юрий МОЛИН

Баба Нина и экспертиза

«Царица Небесная! Сжался надо мной, пошли смерть!» – иногда просит Нина Петровна, стоя в красном углу перед древней прабабушкиной иконой, осеня себя широким крестом. Потом, понимая, что согрешила в просьбе, добавляет: «Прости, Господи!» Стара она: глаза запали, веки потемнели, рот словно провалился, иссохшие мозолистые руки с тонкой морщинистой кожей дрожат. Лицо, будто печеное яблоко, сплошь испещрено глубокими морщинами, словно кора древесная. Седые волосы аккуратно заплетены в косу, лежащую вокруг головы.

Одинока она. С горя чуть не умерла, похоронив сына, но каким-то чудом выжила. Спасла молитва да нечеловеческий, до гробовой усталости, труд.

Живет баба Нина в большой старой хате. Соломенная крыша потемнела, каменно затвердела, матицы провисли, изогнулись. Администрация молочного завода, где трудилась всю жизнь, и поселковый совет предлагали ей как вдове погибшего фронтовика перебраться в казенную пятиэтажку, но она наотрез отказалась, сказав: «Нет! Здесь сыночек мой родился, вырос. Доживу в своем углу...» Смертное – платок, чистая рубаха, темное платье, чулки, тапки – заготовлены загодя, ждут своего часа в старом сундуке, в котором хранилось еще приданое.

Простую жизнь ее недавно буквально сотрясло до основания событие, ставшее известным всему поселку. Впрочем, всё по порядку...

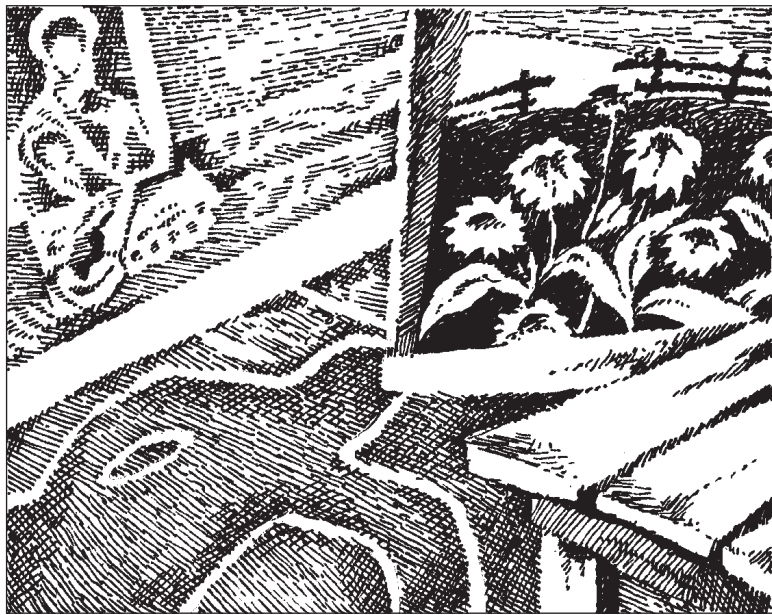
* * *

В дежурной части районного отдела внутренних дел жарко. Оперативный дежурный, майор Галахов, отлучился на второй этаж, к начальнику. Его помощник, Сергей, «от нечего делать» затягивает разговор с красивой бизнесменшей местного пошиба, пришедшей жаловаться на выпивоху-мужа.

День по оперативной обстановке выдался спокойный, тихий. Даже мухи угомонились, куда-то девавшись.

Телефонный звонок. Сергей лениво подносит трубку к уху. Звонит Соловьёв, участковый инспектор. По мере получения информации лицо дежурного вытягивается, он нажимает кнопку внутренней связи, кратко докладывает руководству, затем командует участковому: «Будь на месте, проверь оружие! Сейчас сформируем следственно-оперативную группу».

Торгашиха, превратившись в огромный вопросительный знак, тщетно пытается проникнуть мощным бюстом в узкую не за решеченную часть перегородки, отделяющей собственно дежур-

ное помещение от посетителей: «Что, что случилось-то?» – «Идите, идите, леди! В сравнении с вашей головной болью, здесь дела серьезные... Убийство!»

...По старой многолетней привычке, «свой» осмотр места происшествия я начинаю, еще только подъезжая к дому, где случилось недоброе. На этот раз не вижу практически никакой интересной информации, кроме распахнутого настежь окна старинной просторной избы. Причем окно распахнуто в залитый раскаленным солнечным жаром палисадник вместо тенистого яблоневого сада, окутанного прохладной ароматной тенью. Поразили чистота и порядок на участке. Везде цветы. Море цветов, даже в ущерб традиционной картошке...

Я подъехал последним, и следовательно прокуратуры, отведя меня в сторону от понятых и расстроенной хозяйки, дал «вводную»: «Очень странная ситуация, Юрий Александрович. В доме проживают 80-летняя хозяйка Нина Петровна и ее 40-летний квартирант, ранее многократно судимый, освободившийся два месяца назад Александр, по прозвищу Ханурик».

Оказывается, со слов женщины, около двух часов назад, работая в огороде, она услышала в доме шум, звон разбитого стекла. Затем распахнулось с грохотом окно, выходящее на улицу, постоялец что-то прокричал, и всё стихло. Перепуганная старушка побоялась одна войти в избу и поплелась за такой же древней, как и сама, соседкой. Подруги, вооружившись одними граблями на двоих, тихо вошли в дом, отворили дверь в горницу, которую снимал Ханурик.

Квартирант стоял на коленях у распахнутого окна, одна из занавесок была сорвана и лежала на полу, у коленей, в луже красной жидкости. Старушки

вгляделись: кровь в комнате была везде – на столе, где стояла наполовину пустая бутылка водки, два стакана и немудреная закуска, на полу у кровати, на полотенце, валявшемся у стола, на разбитой тарелке, лежащей на полу...

Наиболее храбрая, баба Лида, чтобы не наступить в лужи крови, дотянулась граблями до плеча мужчины, тронула... Молчание и неподвижность были ей ответом, только мухи бесположно бились в стекла, набравшись в комнату через распахнутое окно. Осознав, что случилось что-то страшное, подруги с максимально возможной для них скоростью двинулись к жившему через два дома соседу, у которого, единственного на улице как у фронтовика, был установлен телефон.

* * *

Вскрытие лишь подтвердило мои предположения, высказанные следовательно на месте происшествия. Утром, войдя в секционный зал, рабочий день я начал с тела Александра. Труп, лежащий на столе, поразил тремя моментами: полным отсутствием каких-либо повреждений, удивительной худобой (можно было изучать костный скелет без вскрытия!) и обилием специфических тюремных татуировок, покрывавших живописным ковром почти всю поверхность тела. Я осмотрел выколотые «перстни»:

– Да, профессионал «со стажем», после третьей «ходки». Не надо и документов, – сказал своей многолетней помощнице Раисе Петровне, старшему лаборанту отделения, знавшей всё и вся в районном центре.

– Не профессионал он, а воруаго бессовестный, на старухину пенсию не раз зарившийся, – гневно ответствовала Раиса, отворачиваясь от клиента. – Уже задержан собутыльника его,

Рудик. Правда, стоит насмерть, утверждая, что ушел утром, «поправив голову» после вчерашнего. Говорил, что Ханурик жаловался на боль в груди, одышку. Медицинских документов никаких. Сейчас допрашивают бабу Нину. Пострадала, старая, за свою же доброту!

– Спасибо, Раечка, – ответил я, беря в руки нож. Невольно поднял глаза на надпись, высеченную на стене секционного зала: «Здесь смерть помогает жизни». Сколько раз я убеждался в вечной истине этих слов! Так случилось и на этот раз.

Полость рта, гортань, трахея, бронхи были заполнены пеной, бронхитом. Непосредственная причина стала ясна: гемоаспирация. Умерший захлебнулся собственной кровью. Страшная гибель! Осталось немного: установить источник катастрофы, «поломки» сложнейшего механизма, которым является организм человека.

Увидев легкие Ханурика, я всё понял – именно они сказали мне страшную правду о случившемся. Ткань их была тотально поражена страшной инфекцией – бичом колоний и тюрем – туберкулезом. Здесь была та ее форма, что называлась издавна «чахоткой», – множественные, разного возраста и размера полости распада в легких. В одной из них, наиболее крупной, углядел я и разрушенный кровеносный сосуд – источник кровотечения.

* * *

Вечерело. Из бескрайних поселковых садов в открытое окно кабинета веяло прохладой и ароматом цветов. Я долго сидел у микроскопа, изучая гистологические препараты внутренних органов умершего. Внимательно рассматривал срезы тканей, сосудов, групп клеток. Передо мной словно предстал весь человек, Саня Ханурик, и зримая расплата здоровьем за прожитую, попусту растраченную жизнь. «Пропитая» ожиревшая печень, прокуренные легкие, отягощенные копотью табачного дыма, опустевшая, как вырубленный лес, лишённая большей части нейронов кора головного мозга, забытые микрокристаллами солей каналы почек, окруженные соединительной тканью сосуды сердца, исхлестанные плетью токсических нагрузок и отрицательных эмоций... Как на исповеди, всё это явило мне жизнь умершего.

Особенно страшны были легкие, их трудно даже было узнать: настолько тяжелейшее, злокачественно текущее поражение туберкулезом видоизменило их. Из давних полузаживших очагов островки здоровой ткани зата-

пливались волнами инфекции. На фоне распада я увидел следы мучительной агонии – умирающая от удушья собственной кровью: малокровные или плазматизированные – лишённые эритроцитов, местами спазмированные сосуды, судорожно расширенные группы сохранившихся альвеол, словно улитавшиеся жадными ртами уловить остатки воздуха, изгоняемого наступающей кровью...

– Вот тебе и убийство! – отчитывала по телефону Раиса Петровна сержанта дежурной части Серёгу, интересовавшегося результатами вскрытия.

На вынос тела из морга пришли лишь два человека: Рудик, на удивление молчаливый, трезвый и чисто одетый, и баба Нина. Вся в черном, она тихо вошла, перекрестившись на образ Николы Угодника, водворенный в прощальном зале стараниями Раисы Петровны. Остановилась у открытого дешёвого гроба, приобретенного за счет жилищкомхоза, вгляделась. Губы бабы Нины тихо творили молитву.

Выходя на улицу, сказала мне задумчиво:

– Ведь только ради матушки его покойной, труженицы, и пустила пожить. Ангела Хранителя в тяжком от Господа послушании вашем, доктор... Спасибо.

* * *

Прошло несколько лет. Будучи недавно в поселке по делам, уже собираясь уезжать, я спросил у начальника местного отделения милиции о бабе Нине. «Жива!» – ответил Петрович, – ее примером и мы держимся». Еще держит кур, кроликов, небольшой огород. И нет добрей ее, отзывчивей во всем поселке.

На выезде из райцентра прошу водителя остановить машину у знакомой избы. Визиту моему баба Нина не удивляется, вглядевшись, сразу узнает, приглашает в дом выпить холодненького кваску. С удовольствием пригублю, желаю здоровья и протягиваю скромный подарок – коробку шоколадных конфет.

– Спасибо, сынок, не избалована я гостинцами. Дай Бог вам здоровья, – тихо молвит и кланяется она, лицо ее словно просветляется, морщины разглаживаются, и что-то прежде, молодое, вечное проглядывает в ней... Долго крестит в след уезжающую автомашину и тихоночко идет домой, аккуратно затворив калитку.

ОБ АВТОРЕ. Юрий Молин – профессор, заслуженный врач РФ, заместитель начальника по медицинской работе Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета по здравоохранению правительства Ленинградской области. Член Союза писателей РФ.

Полное или частичное воспроизведение или размножение каким-либо способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции газеты.

Материалы, помеченные значком , публикуются на правах рекламы. За достоверность рекламы ответственность несет рекламодатель.

Главный редактор А.ПОЛТОРАК.
Редакционная коллегия: Ю.БЛИЕВ, В.ЗАЙЦЕВА, В.КЛЫШНИКОВ, Т.КОЗЛОВ, Д.НАНЕИШВИЛИ, А.ПАПЫРИН, Г.ПАПЫРИНА, В.САДКОВСКИЙ (зам. главного редактора – ответственный секретарь), Ф.СМИРНОВ, А.ХИСАМОВ, В.ХРИСТОФОРОВ.
Директор-издатель В.МАНЯКО.

Дежурный редактор номера – А.ПАПЫРИН.

Справки по тел. 608-86-95. Отдел информации – 608-76-76.
Рекламная служба – 608-88-64, 608-85-44, 608-69-80 (тел./факс).
Адрес редакции, издателя: Б. Сухаревская пл., 1/2, Москва 129090
E-mail: mggazeta@post.ru (редакция); E-mail: rekmedic@post.ru (рекламная служба); E-mail: inform@mgzt.ru (отдел информации)
«МГ» в Интернете: www.mgzt.ru

ИНН 7702036547, КПП 770201001, р/счет 40702810738090106416, к/с 30101810400000000225, БИК 044525225
ОАО «Сбербанк России» г. Москва

Отпечатано в типографии ОАО «Издательский дом «Красная звезда»
Хорошевское шоссе, 38, Москва 123007
Тел. (495) 941-28-62.

Тираж 38 455 экз.
Распространяется по подписке в России и других странах СНГ.
Заказ № 3494.

Региональная корсеть «МГ»: Благовещенск (4162) 516190; Брянск (4832) 646673; Кемерово (3842) 524201; Нижний Новгород (831) 4320850; Новосибирск (3832) 262534; Омск (3812) 763392; Самара (8469) 517581; С.-Петербург 89062293845; Смоленск 89107857286; Ставрополь 89288121625; Чита (3022) 263929; Уфа (3472) 289191; Киев (1038044) 4595420; Реховот, Хайфа (Израиль) (10972) 89492675, 48242105; Ханау (Германия) (1049) 618192124.

Газета зарегистрирована Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № 77-7581 от 19 марта 2001 г. Учредитель: ЗАО «Медицинская газета».

Подписные индексы в Объединенном каталоге «Пресса России»:
50075 – помесечная, 32289 – полугодовая, 42797 – годовая.